

ФЕНОМЕНЫ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

УДК 316
ББК 60.5

В. Д. Виноградов, А. В. Петров

РОССИЙСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ И НЕОЛИБЕРАЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ: СТРУКТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА*

Рассматриваются вопросы развития институтов гражданского общества как одной из базовых сущностей процесса демократизации России. Структурно-исторический контекст российских реформ определяет существенную специфику развертывания процесса демократизации и формирования институтов гражданского общества. Именно поэтому его изучение важно для современных социально-политических исследований и должно приниматься во внимание теми, кто стремится перейти от политической риторики к реальному анализу особенностей современного развития России и роли институтов гражданского общества в его осуществлении.

Одной из важнейших составляющих процесса реформ и демократизации России в 1990-е гг. – начале XXI в. является процесс формирования институтов гражданского общества. Проблемы становления и развития гражданского общества в нашей стране исследователи связывают преимущественно с сиюминутными вопросами функционирования системы негосударственных организаций, оставляя практически без внимания структурно-исторический контекст реформ. На наш взгляд, возможности решения проблем да и сами перспективы гражданского общества в России определяются вовсе не сиюминутной политической риторикой, а куда более сложными процессами становления российской демократии в ходе неолиберальных реформ и, шире, трансформационными процессами в системе современных обществ и мировом хозяйстве, формирующими структурно-исторический контекст либерализации и демократизации.

В последней трети XX – начале XXI вв. система современных обществ и международных отношений в экономическом плане характеризуется

* Материалы статьи подготовлены при содействии РФФИ (проект 06-06-80311-а).

резко возросшей мобильностью капитала, проявляющейся в практически неограниченных возможностях международных финансовых институтов манипулировать финансовыми и информационными потоками, формируя выгодные для себя экономические и политические условия накопления капитала. Данный период характеризуется также новым этапом научно-технического прогресса – «информационно-коммуникационной революцией», – основным «носителем» которого становятся транснациональные корпорации. Поскольку основные конкурентные преимущества в современной производственной системе определяются уже не столько возможностью эффективного управления текущими издержками, сколько более гибкой системой организации производства, ориентированной на быстрое внедрение инноваций, то ведущие индустриально развитые страны «центра» мировой экономической системы, стремясь укрепить и повысить свою конкурентоспособность, все больше ориентируют производство на создание товаров, обладающих созданной знанием стоимостью, и развитие интеллектуального капитала корпораций. При этом и традиционные производства «индустриальной эпохи» с громоздкими материальными активами, и, все чаще, даже самые современные высокотехнологичные производства посредством транснациональных корпораций переносятся в страны «периферии» мировой геосоциальной системы. Тем самым, на новом социально-историческом этапе структурной трансформации современной мировой экономики и системы современных обществ, ведущие индустриально развитые страны по-прежнему пытаются сохранить свое привилегированное положение относительно остального мира в процессе распределения совокупного мирового дохода. Подобное положение поддерживается на основе монополизации процесса создания инноваций и монополизации производства образцов потребления. Кроме того, эти страны по-прежнему активно регулируют финансовые, товарно-сырьевые и информационные потоки в современной мировой экономике. Не менее важным аспектом глобального регулирования остается идеология.

В подобных структурно-исторических условиях еще в 1970-е гг. новый импульс получила либеральная идеология, проявившаяся, в частности, в возродившейся «рыночной» риторике среди большинства экономистов и политиков практически во всех странах мира. Либеральную идеологию политики ведущих индустриально развитых стран, и, прежде всего, США, стали активно использовать для сохранения своего геополитического влияния в мире и усиления собственной экономической мощи. Последняя четверть XX в. стала эпохой установления глобального неолиберального порядка, который явился геополитическим фоном для обоснования возможности и необходимости использования ведущими индустриально развитыми странами новых механизмов регулирования мирового хозяйства. Установление этого порядка осуществлялось с помощью различных подконтрольных развитым странам международных экономических и политических организаций, таких как МВФ, ВТО, ОЭСР и др., подталкивавших национальные правительства развивающихся стран к проведению неолиберальных реформ в русле основных положений Вашингтонского соглашения, в русле политики монетаризма, фритредерства и призывов к тотальной либерализации всех сфер

социальной жизни. Следует согласиться с И. Валлерстайном в том, что подобная стратегия «перехода от доктрины развития к принятию условий Вашингтонского соглашения была очень выгодна для американцев и позволила им усилить экономическое и в особенности финансовое вмешательство в политику стран третьего мира. Таким образом США смогли компенсировать потери от снижения прибыльности своих главных отраслей»¹.

Однако либеральная идеология также разделяется и активно поддерживается социальной элитой стран, стремящихся к реализации политики «догоняющей» модернизации. Одной из причин этого является убежденность в том, что якобы единственным способом противостоять монополизации использования научно-технических достижений развитыми странами может стать создание благоприятных, то есть максимально либеральных, условий для привлечения в развивающиеся страны транснациональных корпораций и международных финансовых институтов. Либерально настроенные представители социальной элиты полагают, что лишь такая политика позволит «приобщиться» к плодам научно-технического прогресса, привлечь крупные инвестиции, сформировать новые рабочие места и тем самым создать благоприятные возможности для наращивания объема производства (в том числе и высокотехнологичной продукции) и повышения конкурентоспособности в мировой экономике. Тем самым либерализм, приобретая некоторые особенности в зависимости от исторически обусловленного характера и способа включения общества в современную мировую экономическую систему, становится важнейшим элементом идеологии и, соответственно, политики, осуществляемой тем или иным государством в рамках указанной мировой системы. Особенности идеологии и политики, таким образом, определяются способностью того или иного общества к восприятию либеральной идеологии, но с учетом сложившихся внешних и внутренних структурных социально-исторических условий. В связи с этим одной из основных проблем реформирования в странах «догоняющей» модернизации становится противоречие между стремлением к тотальной либерализации, вызванной внешними структурными обстоятельствами трансформации мировой экономики и системы современных обществ, и проведением политики, ориентированной на соблюдение национальных интересов, на формирование условий для самостоятельного развития.

Государство в России с начала 1990-х гг., в отличие, например, от Китая, попыталось воспользоваться «готовым» политическим рецептом в виде модели неолиберальной «догоняющей» модернизации. Данный «рецепт» был разработан на Западе для стран с периферийной экономической и политической системой (например, для стран Латинской Америки) исключительно с целью сохранения их зависимого от традиционных индустриально развитых стран положения в мировой экономике на возможно более длительный период времени. Что и повлекло за собой соответствующие последствия для курса социально-политических реформ в российском обществе, который оказался фактически сведен к попыткам слепого следования основным постулатам идеологии неолиберальной модернизации. Следование этим постулатам достаточно быстро приве-

ло страну к совершенно иной модели социально-политического развития, отличной от декларируемой в начале процесса преобразований. В рамках подобной модели либерализм и демократизация превратились лишь в одну из формально декларируемых целей развития, а не стали сущностью и средством политики государства, которая в 1990-е гг. стала все больше ориентироваться на интересы олигархических группировок, монополизировавших процесс принятия решений и фактически отстранивших большую часть общества от возможности принятия активного участия в их выработке, реализации и, соответственно, в распределении национального дохода.

Однако сложившаяся в ходе осуществления неолиберальных реформ ситуация вовсе не означает полное отрицание возможности демократизации российского общества и расширения гражданской инициативы. Безусловно, современный научный да и политический лексикон невозможно представить без категории демократии. Хотя ее употребление и интерпретация в истории социальной мысли довольно разноплановы. Сегодня насчитывается несколько сотен ее вариантов, подтипов. Данное положение можно считать обоснованным, ибо демократия как институт, как процесс претерпевала существенные изменения в историческом измерении: от родового классического «народовластия» – до современных технологий, процедур принятия политических решений. Античная идея и практика «правления множества» предполагала, что для общего блага править должны те, кто может править наилучшим образом, а «худшие» должны отстраняться от участия в управлении. Как показал политический опыт, вся проблема заключается в том, как определить и выбрать «наилучших» в отличие от «наихудших».

Триада принципов эпохи Просвещения «свобода, равенство, братство» лежит в основании европейской демократии и ее последующих модификаций. Однако под лозунгом «равенства возможностей» идея свободы превратилась в либерально-экономическую. Идея равенства трансформировалась в господство неравенства между людьми, социальными группами, нациями, государствами. Реализация идеи братства, таким образом, оказалась законсервирована до «лучших времен». А «остатки» демократии европейского образца свелись к декларированию свобод и прав человека, что и зафиксировано во Всеобщей декларации прав человека после Второй мировой войны.

Теоретические поиски новых демократических возможностей ограничивались пределами либеральной, плюралистической, американской модели. Классическая концепция демократии как «народовластие», как «общий интерес», «общая воля» в условиях неравенства возможностей уступила место «процедурным технологиям», «игре институтов», «организованным неопределенным взаимодействиям». Права и свободы человека, провозглашаемые квинтэссенцией западной модели в качестве мирового межкультурного идеала, превращаются в символ технологических избирательных процедур. При этом воздействие политико-технологического манипулирования на «свободных и обладающих всеми правами» граждан приводит к омертвлению активности большинства населения. Данная тенденция проявляется во многих государствах, называющих себя демократическими, в которых так называемый «барьер явки» на выборы достиг 20 %. Сегодня

мы являемся свидетелями постоянно возникающих противоречий и конфликтов между отдельными государствами, группами государств вследствие глобализационных явлений неолиберального типа, когда «всеобщая свобода» способствует возрастанию «права на неравенство» во всех сферах, права на «легитимное насилие»². Сама демократия как технико-процедурный инструмент используется в качестве удобного средства в борьбе за власть, за персонифицированное и коллективное господство. В этой связи в литературе высказывается тезис о «вырождении демократии», о ее кризисе, что логически ведет к «умиранию демократии» в современном обществе³. Вывод пессимистичный, но вполне закономерный.

В сегодняшней России развитие и укрепление демократии провозглашается одной из стратегических задач. Цель благородная, если вспомнить, что элементы парламентской демократии в России появились после принятия императорского манифеста 17 октября 1905 г. По сути дела это был первый конституционный акт, в котором провозглашались принципы участия населения в принятии политических решений. Правда, следует оговориться, что у нас с тех пор было принято несколько конституций, в том числе и самая «демократическая» в 1993 г. Только многие статьи конституций не выполнялись правителями. «Демократический разгул» либерального типа конца 80–90-х гг. XX в., целенаправленно привнесенный извне на просторы советского, а потом российского государства и отрицавший все отечественные теоретические и практические ценности и достоинства прошлого, привел к распаду первого и к всеобщей деградации второго. Время «упоения» прелестями западной демократии быстро сменилось манипулятивными процедурами застрельщиков российской демократии, что привело к материальному и социальному расщеплению народа. Властный и материальный ресурсы оказались в руках «максимального меньшинства», в то время как «максимальное большинство» вынуждено было перейти с режима созидания на режим выживания. Заимствованный тип западного демократического государства превратился в жестокого коррумпированного Левиафана. Само понятие демократии стало ассоциироваться с диким капитализмом американского образца конца XVIII – начала XIX вв. Понятно, что «такая» демократия стала удобной и выгодной «кормушкой» для представителей социальной элиты.

Возникают тревожные вопросы, связанные с развитием демократии как социальной и политической проблемы. С одной стороны, звучат настойчивые призывы «внедрять» демократию в российском государстве, иначе, дескать, Россия вернется к своему самодержавному или советскому прошлому. С другой – высказываются сомнения и даже отрицание в отношении демократии западного типа, как некоей «сверхценности», «сверхцели» политического устройства. Ибо эта демократия по сути дела превратилась в инструмент реализации и утверждения американского образа жизни в мировом масштабе. При этом идеологи такой демократии не стесняются в формулировании идеи – «да, американцы будут жить так, как они привыкли и как им нравится» и хотят, чтобы все другие народы и государства на земле жили по американскому образцу. То есть эта демократическая «квазирелигия», претендующая на универсальность, не признает национальных особенностей, исторических традиций иных

народов. С помощью данного инструмента предлагается формировать и утверждать «единый и неповторимый» социальный порядок в мире.

В русской теоретической традиции в центре «социального порядка» всегда находилась проблема «совершенного человека». Когда мы говорим о служебном характере демократии, то прежде всего имеем в виду, что она обязана обеспечивать социальный цикл не западного образца «деньги – товар – больше денег», а другой – более традиционный, гуманный и справедливый: «человек – производство – более совершенный человек». Прискорбно это констатировать, но в центре внимания современного российского государства находится функционирование социального цикла западного образца. Пренебрежение интересами человека, нации, народа фактически обесмысливает существование самого государства, делает его чужеродным. Например, невозможно уразуметь парадоксальный факт, что в условиях построения подражательной демократии в России, государство сидит в буквальном смысле на мешке с золотом в виде стабилизационного фонда и не знает, куда его деть. Всевозможные объяснения властвующим по поводу данного явления никого не удовлетворяют. Известно, что у каждого человека, у каждого государства должна быть какая-то, пусть даже иллюзорная, цель, выходящая за рамки повседневности, которая придает смысл его жизнедеятельности на перспективу. Складывается впечатление, что подобная цель стратегического характера на сегодняшний день отсутствует. Существуют лишь предложения по разработке программ развития отдельных направлений – образование, здравоохранение, жилье, сельское хозяйство – и их реализация во временной неопределенности. Как тут не вспомнить слова И. А. Ильина: «Государство, пытающееся быть демократией ценою своего государственного бытия, – есть нелепое и обреченное явление»⁴.

Трудности переживаемого периода заключаются не только в том, что наше государство не оставляет надежды выглядеть демократическим, как большинство западных стран, а в том, что «эталонная» западная демократия не находит востребованных устоев для своего «воцарения» в России. Кроме всего прочего, она мало адекватна политической палитре современного мира. Со всей очевидностью наступает момент истины, когда либеральный лозунг недавнего прошлого «Заграница нам поможет» следует перефразировать на противоположный «Заграница нам уже никогда не поможет». Да и не хочет, чтобы Россия стала процветающим самостоятельным государством со своим прошлым, настоящим, будущим.

Возникает вопрос – что же дальше? Существуют ли альтернативы либерально-демократического развития России? В последнее время дискуссии по этому поводу разворачиваются на страницах журналов, на конференциях и семинарах⁵. Предлагается несколько проектов переустройства нашего Отечества. Они носят эволюционный характер и рассчитаны на длительную перспективу. Есть даже антидемократический проект, имеющий системный характер, где предлагается совокупность мер, которые бы учитывали национальную специфику, исторические традиции, негативный опыт прошлого и сегодняшнего дня России... Высказываются и обосновываются также и идеи, которые в перспективе в результате их реализации смогут привести наше государство к цивилизационному прорыву... Однако в любом случае развитию институтов гражданского

общества как одной из базовых сущностей процесса демократизации России альтернативы нет и быть не может. Структурно-исторический контекст российских реформ определяет существенную специфику и развертывания процесса демократизации, и формирования институтов гражданского общества. Именно поэтому его изучение важно для современных социально-политических исследований и должно приниматься во внимание теми, кто стремится перейти от политической риторики к реальному анализу особенностей современного развития России и роли институтов гражданского общества в его осуществлении.

---

¹ Валлерстайн, И. Геополитические миро-системные изменения: 1945–2025 годы // Вопросы экономики. – 2006. – № 4. – С. 75.

² Панарин, А. С. Глобальное политическое прогнозирование. – М., 2000. – С. 5.

³ См.: Бузгалин, А. Альтерглобализм: в поисках позитивной альтернативы // Политический класс. – 2005. – № 27. – С. 47–48; Решетников, М. Демократия, терроризм и гражданское общество: тенденции, противоречия, исторические иллюзии // Телескоп. – 2004. – № 26. – С. 2–6.

⁴ Ильин, И. А. О сущности правосознания. – Мюнхен, 1956. – С. 118.

⁵ См.: Андреев, Д. Антидемократический проект как неизбежность // Политический класс. – 2005. – № 29. – С. 27–37; Третьяков, В. Т. Нужен ли нам Путин после 2008 г.? – М., 2005; Русская доктрина // Политический класс. – 2005. – № 21. – С. 78–91.